М.П.М.

МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ЛОМОНОСОВЪ.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ былъ знаменитый русскій ученый и писатель, жившій въ прошломъ столѣтіи и прославившійся своимъ необыкновеннымъ умомъ и талантами. Замѣчательна была и судьба его. Онъ происходилъ изъ крестьянъ: былъ сынъ рыбака Василія Дороѳеева, Архангельской губерніи, Холмогорскаго уѣзда. Въ этомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Денисовкѣ, онъ и родился, въ царствованіе Петра Великаго. И вотъ этотъ-то крестьянскій мальчикъ, до шестнадцати лѣтняго возраста помогавшій отцу своему въ работахъ по крестьянскому дѣлу, ходившій съ нимъ на рыбныя ловли въ Бѣлое и Сѣверное моря, достигъ того, что имя его стало славнымъ на вѣки.

Время, въ которое родился и росъ Ломоносовъ, было полно перемѣнъ для Россіи. Царствовалъ тогда Петръ Великій, который изъ «старой» Россіи сдѣлалъ Россію «новую». Онъ сдѣлалъ ее могущественною и грозною для враговъ державою, преобразовалъ войско и устроилъ флотъ на завое-

ванномъ имъ Балтійскомъ морѣ. Это великое дѣло возвеличенія Россіи Петръ совершилъ при помощи науки, которую онъ стремился распространить среди Русскихъ. Для обученія разнымъ наукамъ, Петръ сталъ посылать молодыхъ людей за границу. Они тамъ учились и потомъ возвращались на родину и становились хорошими помощниками царю въ трудномъ дѣлѣ образованія и учителями въ тѣхъ школахъ, которыя открывались по волѣ Петра. Но въ дѣлѣ науки Петру въ особенности помогали ученые нѣмцы, которые и наполнили Академію Наукъ, открытую уже послѣ Петра, при вдовѣ его, Императрицѣ Екатеринѣ Первой. Но Петръ, приглашая изъ-заграницы ученыхъ людей, постоянно старался, чтобы они научили Русскихъ и чтобы ученые и образованные Русскіе могли бы и сами обучать другихъ и въ наукахъ поравняться съ иноземцами. Долго не могли исполниться желанія Петра Великаго, и только, спустя шестнадцать лѣтъ, послѣ его смерти явился великій ученый изъ Русскихъ, Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, который осуществилъ надежды Петра Великаго и сталъ великимъ ученымъ въ «новой», преобразованной Россіи.

Чѣмъ же онъ отличался отъ старыхъ русскихъ ученыхъ? Разница между старою Русью и Петровскою, новою есть, и разница самая рѣзкая. Всего лучше ее объясняетъ самъ Ломоносовъ. Онъ говоритъ: «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ Свое величество, въ другой Свою волю. Первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ божественное всемогущество. Вторая книга — Священное Писаніе».

Въ старой, до—петровской Россіи Русскіе люди изучали преимущественно вторую книгу, занимались священнымъ писаніемъ, а на первую, «на видимый нами міръ», совсѣмъ не обращали вниманія, и даже считали изученіе природы грѣхомъ. Между тѣмъ и эта книга поучительна. И нашъ «новый» ученый со всѣмъ усердіемъ и юношескимъ жаромъ предается изученію природы.

Ломоносовъ самъ говоритъ: «испытаніе натуры (природы видимаго нами міра) трудно, однако пріятно, полезно, свято. Чѣмъ больше таинства ея разумъ нашъ постигаетъ, тѣмъ вящее увесселеніе чувствуетъ сердце. Чѣмъ глубже до самыхъ причинъ столь чудныхъ дѣлъ проницаетъ разсужденіе, тѣмъ яснѣе показывается непостижимый всего бытія

Строитель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей міръ есть первый, общій, неложный и неумолчный проповѣдникъ».

Ломоносовъ занимался наукой такъ успѣшно, что не только среди Русскихъ пріобрѣлъ себѣ славу, но и у своихъ заграничныхъ учителей пользовался большимъ уваженіемъ. Не сразу, конечно, онъ достигъ его, и не легко ему досталась слава. Въ его жизни было много горя и бѣдствій. Но онъ былъ одаренъ отъ Бога такой твердою и сильною волей, что много прѣпятствій преодолѣлъ терпѣніемъ и любовью къ наукѣ.

Еще съ раннихъ лѣтъ онъ ощущалъ великую потребность учиться. Грамотѣ онъ выучился отъ матери своей, дочери дьякона изъ села Матигоръ, да отъ одного своего односельца, крестьянина Ивана Шубина. Учился онъ по церковнымъ книгамъ.

Когда родная мать его умерла, отецъ женился на другой. Мачиха, его занятій книгами не любила. Ломоносовъ говоритъ, что тогда то онъ училъ наизусть всѣ тѣ книги, которыя ему попадались; но трудно ему было учиться, такъ какъ онъ долженъ былъ помогать въ работахъ отцу и въ тоже время выслушивать брань и придирки мачихи. Онъ часто съ отцомъ далеко ѣздилъ по морю для покупки соли и для рыбнаго промысла, бывалъ въ Соловкахъ, въ Пустозерскѣ. Бури и опасности на морѣ сдѣлали его выносливымъ, безстрашнымъ. Въ зимнее же время, въ деревнѣ ученье шло своимъ чередомъ, и онъ, перечитавъ всѣ, какія могъ достать, книги, сталъ разспрашивать, гдѣ бы можно было поучиться еще больше. Нѣкоторые указывали ему на Москву. Долго думалъ онъ и наконецъ рѣшился убѣжать тайкомъ отъ отца и пристalъ къ обозу, везшему рыбу въ Москву. По дорогѣ въ Москву онъ прожилъ нѣсколько времени въ Сійскомъ монастырѣ, гдѣ читалъ и пѣлъ на клиросѣ. Отсюда, пѣшкомъ въ январѣ 1731 г., добрался до Москвы. Первую ночь ему пришлось провести въ пошевняхъ въ рыбномъ ряду. По счастливому случаю онъ скоро познакомился съ однимъ іеромонахомъ и черезъ него попалъ въ школу при Заиконоспасскомъ монастырѣ. О томъ времени самъ Ломоносовъ разсказываетъ такъ: «обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ препятствія, которыя въ тогдашнія лѣта имѣли почти непреодолимую силу. Съ одной стороны отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство, которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ, и которое послѣ его смерти чужіе люди расхитятъ; съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованья, нельзя

было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Изъ дому пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которыхъ и въ мою бытность предлагали; а тутъ школьники малые ребята кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де, какой болванъ лѣтъ двадцати—пришелъ латыни учиться». Такъ было тяжело Ломоносову. Но несмотря на всѣ препятствія, въ успѣхахъ онъ былъ выше другихъ.

Въ 1734 году Ломоносовъ былъ неожиданно вызванъ въ Петербургъ, въ училище при Академіи Наукъ. Правительство пожелало тогда послать нѣсколько молодыхъ русскихъ людей за границу для изученія горнаго дѣла, (науки, какъ находить и добывать руду). Въ число ихъ попалъ и Ломоносовъ.

Учился онъ за границей разнымъ наукамъ и у разныхъ ученыхъ людей (профессоровъ) почти пять лѣтъ. 8 іюня 1741 г. онъ прибылъ въ Петербургъ и поступилъ на службу при Академіи Наукъ. 8 января 1742 года онъ уже получилъ право учить другихъ и изъ ученика сталъ учителемъ.

Его уроки были такъ хороши, такъ всѣмъ нравились, что привлекли къ нему общую любовь. Императрица Елисавета Петровна наградила его деньгами и мызой. Русскіе вельможи: Шуваловъ, графъ Воронцовъ и другіе оказали ему поддержку и покровительство.

Какъ выше сказано, Ломоносовъ занимался изученіемъ природы. Въ ней онъ видѣлъ «огромность, красоту и стройность». Все его занимало въ природѣ; онъ хотѣлъ знать, что находится въ глубинѣ земли, изъ чего состоитъ почва, и что находится надъ землей, на небѣ. Съ сожалѣніемъ онъ говоритъ о тѣхъ, которые ничего не знаютъ и не хотятъ знать. «Представьте—говорилъ онъ—что одинъ человѣкъ немногія нужнѣйшія въ жизни вещи, всегда предъ нимъ обращающіяся, только назвать умѣетъ; другой не токмо все, что земля, воздухъ и воды рождаютъ проясняетъ, но и понятія чувствамъ нашимъ отнюдь не подверженныя ясно и живо изображаетъ своимъ словомъ... Одинъ, думаетъ что за лѣсомъ, въ которомъ онъ родился, небо съ землей соединилось—страшнаго звѣря или большое дерево за божество толь малаго своего міра почитаетъ; другой же, представляя себѣ великое пространство, мудрое строеніе и красоту всея твари, съ нѣкоторымъ священнымъ ужа-

сомъ и благоговѣйною любовію почитаетъ безконечную премудрость и силу Создателя».

О дивныхъ, Богомъ установленныхъ законахъ природы Ломоносовъ написалъ много сочиненій. Онъ старался объяснить, что такое сѣверное сіяніе (сполохи); отчего происходитъ свѣтъ, тепло и стужа; какъ произошли горы; откуда явились разные металлы, желѣзная, мѣдная и другая руда; отчего происходитъ молнія и зарница. Онъ наблюдалъ звѣзды, планеты, и пытался объяснить себѣ и другимъ, какъ онѣ устроены.

Ломоносовъ былъ неутомимъ и голова его безпрестанно работала надъ чѣмъ-нибудь: онъ размышлялъ, писалъ, изобрѣталъ. Противъ разрушительной силы молніи онъ придумалъ орудіе, называемое громоотводомъ: на крышѣ дома ставится желѣзный длинный прутъ и проводится въ землю и спасаетъ отъ ударовъ молніи, которая, ударяя въ желѣзо, уходитъ въ землю безъ всякаго вреда для жилища.

Во вторую половину жизни Ломоносовъ преимущественно занимался «словесными» науками (русскимъ языкомъ и исторіей), тогда какъ въ первые годы онъ занимался науками «естественными». Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ такъ же великъ, какъ и въ другихъ.

До него, можно сказать, не было никакого склада въ гражданскихъ книгахъ: Ломоносовъ сталъ писать складно и правильно.

Въ то время писали не удобопонятно, какимъ-то смѣшаннымъ языкомъ, въ которомъ попадались и церковно-славянскія слова, и русскія, и иностранныя. Ломоносовъ пояснилъ красоту и величіе церковнаго языка, бывшаго тогда въ пренебреженіи и далъ примѣръ, какъ писать по русски, т. е. по граждански. Онъ пояснилъ правила русскаго языка и написалъ «Россійскую грамматику». Это была первая русская грамматика, трудъ образцовый, которому могли позавидовать и другіе народы въ то время. Имѣя очень высокое мнѣніе о русскомъ языкѣ Ломоносовъ доказалъ это на дѣлѣ: онъ первый сталъ слагать звучные стихи и писать краснорѣчиво и складно. По его примѣру стали писать и всѣ другіе.

Вотъ, напримѣръ, отрывокъ изъ Похвальнаго Слова Петру Великому, которое было сказано Ломоносовымъ 26 апрѣля 1755 г. Изображая разнообразную неутомимую дѣятельность Петра, онъ говоритъ о немъ: «я въ полѣ межь огней (среди сраженій); я въ судныхъ засѣданіяхъ между трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ (фабрикахъ) между многоразличными машинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ, я межь

стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго морей и самаго Океана духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу—въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; а не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но не многіе, и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню великаго государя? Кому уподоблю нашего героя?..» Ломоносовъ сталъ первый писать звучными стихами, какъ до него у насъ никто не писалъ. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ описываетъ восходъ солнца и озареніе имъ всей природы въ стихотвореніи «Утреннее размышленіе о Божіемъ величіи»:

«Уже прекрасное свѣтило
Простерло блескъ свой на земли,
И Божія дѣла открыло:
Мой духъ, съ веселіемъ внемли!
Чудяся яснымъ толь лучамъ,
Представь, каковъ Зиждитель самъ!
Когда бы смертнымъ толь высоко
Возможно было возлетѣть,
Чтобъ къ солнцу бренно наше око
Могло приблизившись воззрѣть:
Тогда бъ со всѣхъ открылся странъ
Горящій вѣчно океанъ.
Тамъ огненны валы стремятся
И не находятъ береговъ,
Тамъ вихри пламенны крутятся,
Борясь множество вѣковъ;
Тамъ камни, какъ вода, кипятъ,
Горящи тамъ дожди шумятъ.
Сія ужасная громада,
Какъ искра предъ тобой одна.
О коль пресвѣтлая лампада,
Тобою, Боже, возжена
Для нашихъ повседневныхъ дѣлъ,
Что ты творить намъ повелѣлъ»!

Ломоносовъ писалъ много стиховъ въ честь Императрицы Елисаветы Петровны. Въ нихъ, говоря о пользѣ наукъ, онъ съ такими словами обращается къ учащемуся Русскому юношеству:

О вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,
Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ *) вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ **)
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ ***)
Россійская земля раждать»!

Эти строки — отголосокъ прекрасныхъ и великихъ желаній, которыми жилъ самъ Ломоносовъ, за которыя боролся цѣлую жизнь и переносилъ непріятности отъ своихъ враговъ. Онъ изъ любви горячей къ Россіи желалъ, чтобы просвѣщеніе какъ можно скорѣе, какъ можно шире разливалось среди Русскихъ, чтобы у насъ было побольше грамотныхъ и образованныхъ людей. Въ виду этого онъ принялъ самое живое участіе при открытіи Московскаго Университета, въ 1755 году.

Затѣмъ онъ заботился, чтобы и нравы исправлялись, и богатство народное множилось, и ремесла становились лучше, и чтобы народъ сохранялъ свое здоровье и силы. Во многія подробности народнаго быта входилъ Ломоносовъ и подавалъ разумные совѣты государственнымъ мужамъ.

Трудно ему бывало иногда: сильно досаждали ему завистники. Но были у него и друзья, и милости ихъ не прекращались до конца его жизни. Обласканный и успокоенный императрицей Екатериной II, посѣтившей его, больнаго, въ его квартирѣ, онъ умеръ 4 апрѣля 1765 года, всего 53 лѣтъ отъ роду—и погребенъ въ Александро-Невской лаврѣ.

Уже при жизни Ломоносова цѣнили и уважали умные люди, свои и чужіе, но вполнѣ онъ былъ оцѣненъ по смерти. При императорѣ Николаѣ I Ломоносову поставленъ былъ памятникъ въ Архангельскѣ, при покойномъ государѣ Александрѣ Николаевичѣ, торжественно

---

*) Стараньемъ.

**) Платонъ великой мудрецъ древности.

***) Невтонъ или Ньютонъ великій ученый семнадцатаго столѣтія, открывшій законы вращенія земли и многое другое, что указало истину въ наукѣ о видимомъ мірѣ.

праздновали его память въ Петербургѣ и Москвѣ, по случаю протекшаго столѣтія со дня его кончины. На мѣстѣ родины Михаила Васильевича, въ деревнѣ Денисовкѣ, тогда же было устроено училище «Ломоносовское», а самая деревня названа Ломоносовкой.

Пушкинъ написалъ про Ломоносова прекрасное четверостишіе:

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу студенаго моря.
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ, оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя заботы,
Будешь умы уловлять, будешь помощникъ царямъ!

(Издано на средства Издательскаго общества при Постоянной Коммиссіи народныхъ чтеній (Мин. Нар. Просв.).

Продаются разныя книги для народнаго чтенія. М. Итальянская № 38.

Листки изданные Коммиссіей: „Мининъ и князь Пожарскій". „Святый благовѣрный Великій князь Александръ Невскій". „Механикъ самоучка Иванъ Петровичъ Кулибинъ" „Знаменитый полководецъ свѣтлѣйшій князь Александръ Васильевичъ Суворовъ".

Цѣна каждому одна копѣйка.

Дозволено цензурою .С-Петербургъ. 26 Сентября 1885 г.
Типографія М. А. Хана. Ковенскій пер. № 14.